

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

(Продолж. См. №№ 135, 136, 139, 143, 145, 154, 1, 4, 6, 7, 10, 11, 14).

«ГОВОРИТ МОСКВА!..»

МАНОВСКИЙ метался по кабинету, как зарвавшийся волк. Шпицке требовал решительных мер к подпольщикам и партизанам, но полиции пока не удавалось нащупать ни тех ни других. По-прежнему взрывались склады с боеприпасами, летели под откос поезда, исчезали часовые и старосты докладывали о появлении в деревнях советских газет и листовок. Прочитав докладную агента Сотникова о том, что вчера через деревню Петрово прошел обоз с продовольствием для партизан, Мановский выругался:

— Черт, эти подпольщики меня раньше времени в гроб вгонят. Надо действовать, надо срочно действовать.

Если бы кто видел в эту минуту искаженное от гнева лицо начальника «русского управления» Мановского, то вряд ли он узнал бы в нем вежливого и общедоступного с людьми уполномоченного «Лензаготторга», которым он работал в Волотовском районе до войны. Бывшему подпрапорщику старой армии слишком долго приходилось прикидываться простым советским служащим, чтобы в эту минуту не быть самим собой.

Когда пришли фашисты, Мановский предложил немцам командование

свои услуги. Те охотно приняли их. Это он, Мановский, создал в районе «русское управление», организовал полицию и нашел хорошего начальника полиции—бывшего кулака Молоткова. Полиция и управление имели хорошо развитую агентурную сеть, и вот теперь все это летит к черту.

Хорошо вооруженные, в белых маскировочных халатах партизаны налетают и исчезают, как призраки, а подпольщики мешают с грязью все немецкие мероприятия и мероприятия.

Мановскому уже видели колечие ледышки глаз зондерфюрера Краузе и его кривая недоверчивая усмешка.

Вошедший Молотков, взглянув на бледное, искаженное лицо резидента, горлопиво доложил о прибытии карательного отряда.

— В Петрово!—коротко бросил Мановский и вместе с Молотковым вышел из кабинета.

НИНА ПАВЛОВНА пришла к Немковым за молоком, которое брала ежедневно. Это позволяло ей, не вызывая подозрения полицейев, часто встречаться с Немковым и Анной и договариваться о дальнейших действиях. Вот и на этот раз Нина Павловна, придя к Немковым, вынула из крынки пачку листовок, которые на днях принес Миша, и протянула их Александру Ивановичу.

— Хорошие вести, Саша,—сказала Нина Павловна бодрым голосом,—немцам под Москвой крепко по мордам стукнули.

Немков схватил листовку, жадно пробежал ее глазами.

—Вот здорово!—воскликнул он.—Это же замечательно здорово! Полный разгром! Вот тебе и «непобедимая» немецкая армия! Москва-то матушка оказалась не по зубам немским войскам. Нужно, Нина Павловна, сегодня же эти листовки распространить по деревням.

— Сейчас это будет сделать труднее,—ответила Нина Павловна.—Полиция шныряют повсюду. Сегодня утром я заметила, как кто-то ночью топтался около наших окон.

— А у Татьяны дома засадку устроили,—вмешалась в разговор Анна.—Третью ночь партизан поджидают. Смех один. За дураков они нас что ли принимают.

— Этот смех в Городицах кровью обошелся,—зло отозвался Немков,—вначале спроводировали людей, а затем до крови пороли. И здесь, видимо, что-то пронохали, а толком не знают. Вот и мечутся. Вчера карательный отряд всю деревню Петрово сжег. А население угнали куда-то на северо-запад.

— Я за Танюшку очень волнуюсь,—сказала Нина Павловна.—А потом этот вчерашний случай очень подозрительный...

Немков рассмеялся:

—Бросьте, Нина Павловна! Волков бояться—в лес не ходить. Танюшка вне подозрений. Ничего полиции о ней не могут знать. А вчера с Мишей мы просто случайно напоролась на пост полицейев. Они и огля-

нуться не успели, как наш и след простыл.

— В кого же они тогда стреляли?—усомнилась Нина Павловна.

— Да они от страха падали в небо, как в копейку,—опять засмеялся Немков.—Зато наши листовки сегодня народ читает.

— Сколько раз разбрасывали листовки и все сходило благополучно,—задумчиво сказала Нина Павловна не поддерживая веселья Немкова,—а тут... Нет, что хотите, Саша, а действовать надо осторожнее.

— Конечно, Нина Павловна, разве я против осторожности? — ответила Немков.

— Поэтому листовки будем разбрасывать мы с Анной,—сказала решительно Нина Павловна.—Так будет лучше. А вам пока необходимо прекратить все связи и действия. Это, кстати, и указание комитета.

— Хорошо, — неохотно протянул Немков,—только вот приемник, достанем партизанам—и шабаш: нос из дома не покажу, пока комитет не разрешит.

(Продолжение следует.)

Редактор В. ЛУКИН.

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

(Продолж. См. №№ 135, 136, 139, 143, 145, 154, 1—17)

СТАРЕНЬКИЙ батарейный приемник, о котором шла речь, находился в школе, где была сейчас немецкая казарма. В приемнике не хватало нескольких ламп, и солдаты выставили его за ненадобностью в коридор.

Миша, который часто ходил к школе за дровами, выждав удобный момент, проскользнул в коридор, засунул приемник в мешок, положил сверху несколько поленьев и спокойно пошел домой. Александр Иванович, осмотрев приемник, стал рыться в своем сундучке. Чего только не было в этом деревянном самодельном сундучке! Как всякий уважающий себя электромонтер, Немков живо заинтересовался всем, что было связано с электричеством, в том числе и радиотехникой. И в сундучке накапливались всевозможные радиолампы, конденсаторы, панели. Через минуту он извлек две лампы, батареи и приступил к ремонту.

— Ну, кажется, все в порядке! — сказал Немков, в последний раз проверив приемник, — можешь нести.

Миша натянул рюкзак, куда Немков бережно уложил приемник и батареи, и вместе с Александром Ивановичем вышел за дверь. Постояв минут пять, чтобы глаза привыкли к темноте, они надели лыжи и двинулись через огороды к озеру.

— Не заблудишься? — спросил Немков, когда они вышли на окраину деревни.

— Что вы, дядя Саша, да я тут с закрытыми глазами пройду!

— Тогда ни пуха, ни пера! — И Немков легонько подтолкнул Мишу вперед. Возвращаясь обратно, Немков неожиданно у своего дома встретился со старостой.

— И чего ты, Немков, все бегаешь по ночам? — спросил тот, обшаривая лучом фонарика фигуру Александра. — Смотри у меня, добегаться, герой.

— Не спится что-то, — усмехнувшись, отвечал Александр Иванович, отря-

хивая ладонью снег с лыжи.

— А у тебя что, тоже бессонница? — неожиданно задал он вопрос старосте. — Может, снотворного хочешь?

Пробормотав что-то неопределенное, староста исчез в темноте.

МИША, благополучно добравшись до партизанского отряда, лежал на нарах в теплой землянке и наблюдал, как возится с приемником вихрастый паренек.

И вдруг в предутренней тишине раздался громкий и внятный голос:

— Внимание! Говорит Москва! С добрым утром, товарищи!

Соскочив с нар, Миша подбежал к столу. Зеленый глазок приемника весело подмигивал Мише, как старому знакомому. Разбуженные неожиданным шумом, зашевелились на нарах и другие партизаны. Окружив приемник, бойцы с заспанными, но счастливыми лицами слушали далекий и такой дорогой и знакомый голос Москвы.

— Кто это добыл такой

инструмент? — пробасил бодратый партизан.

Паренек, вращавший рукоятку настройки, оторвался от приемника и указал на Мишу:

— Вот он, наш братишка. С удивлением смотрели партизаны на маленького подпольщика.

ДОРОЖЕ ЖИЗНИ

В КОНЦЕ января нежданно был арестован Немков. Когда немецкие солдаты остановили Александра Ивановича на улице, первой мыслью Немкова было: „Домой!.. Там под застрехой лежит пистолет!“

— Разрешите проститься с семьей, — попросил Немков у старшего.

— Можно, — усмехнулся офицер. Он сделал знак солдатам, и те, щелкнув предохранителями автоматов, повели Немкова домой, не спуская с него глаз.

„Вероятно, ничего с пистолетом не выйдет, — лихорадочно думал Немков. — Но им ничего не удастся из меня вытянуть...“

(Продолжение следует.)

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотковском подполье

(Продолж. См. №№ 135, 136, 139, 143, 145, 154, 1—18)

В небольшой накуренной комнате за письменным столом сидели прибывший из Дно зондерфюрер Краузе, командир карательного отряда обер-лейтенант Шпицке, начальник Вологодской полиции Молотков и резидент контрразведывательных органов Мановский.

У противоположной стены со связанными руками стоял Немков. Рубашка на нем была в нескольких местах разорвана и запятнана кровью.

Кинув недокуренную папиросу под стол, Молотков подошел к арестованному и с угрозой, по-видимому, уже не в первый раз произнес:

— Так ты долго еще будешь нас морочить? А?

— Немков чуть приподнял голову. Из-под нависших бровей блеснули строгие, волевые глаза. Разбитые в кровь губы чуть скривились в презрительной усмешке.

Постучав пальцем по толстой папке с бумагами, Молотков тихо, стараясь придать голосу сочувственный тон, продолжал:

— Чудак ты, Немков. Нам же все о вас хорошо известно. Мы думали, что ты умный человек, сам все поймешь и расскажешь, тем самым заслужишь наше расположение. А ты вон как себя ведешь. Товарищам ты теперь ничем не поможешь, да и что они для тебя теперь? Подумай хорошенько. Живешь-то ты один раз... А с этим не шутят...

— Кому что,— глухо ответил Немков.— Вам, собакам, и родного отца продать за пятак не жалко... Да что с вами говорить!.. Вы же сволочи порядочные...

— А, ты все еще грубишь?— визгливо вскрикнул Мановский и, вскочив со стула, трижды ударил связанного резиновой дубинкой по лицу.

Теплая струйка крови потекла по щеке, губам и подбородку. Немков с силой рванул руки, но веревка не поддавалась. Тогда, выпрямившись во весь рост, он громко и твердо выговорил:

— Иуды продажные! Вам это так не пройдет. Наши все равно вернуться!..

— Опять за свое?— зло бросил Шпицке и с ловкостью натренированного боксера дважды ударил Немкова кулаком в живот. Тот упал вдоль стены.

— А может, его туда?— кинув на улицу, спросил Молотков у Шпицке.

— Рано. Мы заставим его говорить. Будьте уверены... Когда арестованный очнулся, его вновь поставили к стене. Допрос продолжался.

— Говорить будешь? Молчишь... Ну, ладно... Ты у нас еще на коленях ползаешь...— зло шипел Молотков, садясь на стул.

Немков пригнулся чуть вперед и еще раз с силой дернул связанные руки. Почувствовав, что веревки ослабли, он недобро блеснул глазами на своих палачей. А те, развалившись на стульях, вертели горящие сигареты между пальцами, о чем-то тихо переговаривались.

В один миг Немков оказался около стола, схватив высвободившейся рукой чернильницу, он с силой ударил ею в лицо Молоткова. Палачи растерялись. Чернила закапали с лица на китель и пол. А в это время рука Немкова уже цепко схватила горло начальника полиции, другая рука с врезавшейся в нее веревкой, шарил по столу, приближаясь к лежащему на нем пистолету.

Выпучив глаза, Молотков двумя руками попытался оторвать сжавшие его горло сильные пальцы. Шпицке дрожащей рукой шарил на боку кобуру с пистолетом, а Мановский с Краузем, словно два лютых пса, вцепились в Немкова сзади.

Зондерфюрер, схватив лежащий на столе пистолет, с силой ударил Немкова рукояткой в висок.

Александр Иванович пошатнулся, выпустил из рук горло Молоткова, прислонился к столу, затем медленно съехал на пол.

— Готов!— вытирая пот с лица, самодовольно сказал Краузе.

— Нет, он еще жив. Вот я сейчас доведу его до дела,— забормотал Молотков, судорожно взводя курок пистолета.

— О! только не здесь,— брезгливо поморщившись, сказал Шпицке.

МОРОЗ крепчал. Сизая дымка окутала деревню. Хотяжа. На улице ни души. И если бы не легкий дымок, струившийся из труб некоторых домов, можно было бы подумать, что деревня вымерла.

За деревней, в поле, по направлению к кладбищу двигались люди. Впереди шел высокий мужчина без пальто и шапки в порванной, окровавленной рубашке и босой. Это был Немков. Шел он спокойно,

лишь изредка подергивал руками, сильно связанными веревкой. Холодная поземка бросала горсти колючего снега ему в лицо, обнаженную грудь, но Немков, метрах в шести, с группой полицейских вышагивал вперед, не замечая этого.

Сзади с пистолетом в руке семенял полицейский Танков, а чуть поодаль, метрах в шести, с группой полицейских вышагивал Молотков.

— Здесь,— сказал он и указал Танкову на небольшую яму, наполовину заполенную снегом.

Полицейский подвел к яме арестованного и быстро отошел в сторону.

— Еще не поздно... Может, одумался?..— подкупающе спросил Молотков у Немкова.

Немков молча обвел взглядом пустынные улицы деревни, не торопясь повернулся грудью к палачам.

Вобрав в себя воздух, громко проговорил:

— Стреляйте, гады! Но помните... рано или поздно всем вам будет конец!..

Прогремели один за другим два выстрела. Осужденный стоял.

Трясущейся рукой Танков вновь навел пистолет.

Еще грохнули три выстрела. Алая струйка крови потекла быстрым ручейком по груди за расстегнутый ворот рубашки.

Прищуренные глаза Немкова смотрели с ненавистью в лицо палача. И вдруг он пошел в сторону Танкова.

— Не могу...— забормотал, отступая, Танков. Пистолет, в его руке лихорадочно дрожал.

— Баба! А еще сам напросился,— заворчал Молотков и, выхватив пистолет почти в упор выстрелил несколько раз.

Тишина вновь установилась окло деревни. По-прежнему мела холодная поземка, заметая следыдвигающихся к поселку полицейских и случайную могилу подпольщика.

(Продолжение следует.)

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

(Продолж. См. №№ 135
136, 139, 143, 145, 154,
1—20)

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Поздно вечером Шпицке зашел в кабинет к Мановскому.

—Ну как, коллега, есть ли чего новенького?—спросил он начальника русского отдела и сел за стол.

—Очень мало. По всем приметам в районе работает большая подпольная организация, но нам пока известны лишь ее дела, а вот участников... увы не знаем.

Жаль. Гестапо требует немедленных мер против подпольщиков и партизан. Вот телеграмма.

Мановский побледнел. Шпицке криво усмехнулся. Он знал, что с гестапо шутить в таких случаях не приходится.

—Напрасно мы быстро разделились с Немковым,—нашелся, наконец, что сказать Мановский.

—Ну, если из него сам господин зондерфюрер ничего не мог вытянуть, то вряд еще что можно было придумать. А в гестапо Краузе известен как мастер допросов арестованных.

—Вы сообщили Зимину, Егорову и Сотникову, что арестованный не оправдал надежд?

—Да,—ответил Мановский, не совсем понимая, куда клонит пан Шпицке.

—Надо построже спросить с них. Пусть сообщают о всех подозрительных.

—Такие данные от них у меня есть,—оживился Мановский.—В этих донесениях, например, говорится о том, что в Должино к учителям Иванову и Еремеевой несколько раз по ночам приходил какой-то человек. Агенты подозревают, что связанной от партизан.

Во время посещения неизвестного огней в домах Ивановой и Еремеевой не зажигали, разговоры велись тихо. Выследить человека

не удалось: он, как сквозь землю, провалился.

—О, это, пожалуй, ценное донесение. Отсюда можно распутать весь клубок,—оживился Шпицке, потирая руки.—Кого пошушаем первым?

—Иванова,—подумав, ответил Мановский.—Девушка навряд ли много знает, а ее арест может напрасно вспугнуть других.

—Хорошо,—согласился Шпицке.

* * *

На другой день перед Краузе, Шпицке и Молотковым стоял Иванов. Палачи внимательно вглядывались в его лицо. Им хотелось определить кто он? Второй Немков или... трус.

Задав несколько обычных автобиографических вопросов арестованному и получив на них подробные ответы, Молотков вдруг привстал, как бы случайно поправил на столе пистолет и с неприкрытой угрозой сказал: „А теперь расскажи нам все, что тебе известно о подпольщиках и партизанах?“

—О чем вы спрашиваете?—в свою очередь спросил с недоумением Иванов.

—Довольно играть в прятки. Вы хорошо знаете о ком идет речь...

—Я ничего не знаю.

—Ну что ж, видно тебе жить надоело?—прищурив глаза, зло бросил Краузе.—Забыл куда попал?..

—Нет, я просто ничего не знаю,—быстро ответил Иванов.

—Дать ему шомполов, пусть подумает, а не одумается тогда...—И Краузе, приподняв глаза вверх, щелкнул двумя пальцами, давая понять, что Иванову живым отсюда не выйти.

Когда два полицейских потащили Иванова к лавке, мускулы на его лице задергались в каком-то нервном тике. Шпицке заметил это и, когда Иванов застал под ударами шомполов, щепнул Краузе:

„Этот, кажется, послабже...“ Краузе утвердительно кивнул головой.

После порки арестованного вновь поставили к стене. Молотков, макнув ручку в чернила, начал писать протокол: И так, „Иванов Александр Иванович, 1904 года рождения, учитель...“ Закончив писать, спросил: „Так что же тебе известно о подпольщиках и бандитах, скрывающихся в лесу?“

—Ничего не знаю,—тихо ответил Иванов и отвернул взгляд в сторону. Краузе, взяв пистолет, подошел к Иванову. Взвел курок, медленно навел ствол на его грудь, а затем в лицо. Единственный глаз Иванова округлился, в нем блеснул страх и отчаяние. Он вобрал в себя воздух, намериваясь что-то сказать, но сдержался и с мольбой посмотрел на палача.

Краузе заметил это. Чуть наклонясь к арестованному, он злоweise зашипел: „Жить хочешь? Говори...“

—Нет... нет...—чуть ли не плача простонал Иванов.

—Нет будешь, будешь говорить,—вдруг в бешенстве заорал Краузе и, схватив со стола нагайку, стал с силой стегать Иванова по лицу, плечам, голове.

Осыпaeмый ударами арестованный медленно оседал вдоль стены. Тогда Краузе, отступив на шаг от Иванова, с силой ударил его носком в живот.

„Убивают!“—молниеносно мелькнула в голове Иванова трусливая мыслишка. Он задрожал словно осинный лист на ветру, корчась поднял вверх обе руки и скороговоркой, боясь что ему не дадут договорить забормотал: „Все скажу... все, только не убивайте...“

—Вот так бы и давно,—с радостью проговорил Молотков и начал писать показания Иванова.

(Продолжение следует).

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

(Продолж. См. №№ 135
136, 139, 143, 145, 154,
1—21)

ОЧНАЯ СТАВКА

НЕ ВЫДЕРЖАВ пыток, Иванов стал предателем, он выдал всех подпольщиков. Почти все патриоты были арестованы. Сорвавшись один раз, Иванов уже не мог остановиться и катился все дальше и дальше, рассказывая немцам о делах своей и других групп. Но Краузе и Шпицке требовали указать, где находятся партизаны, а Иванов этого не знал. Другие же арестованные держались стойко и не развязывали язык.

Шпицке нервничал. В камере было около 40 подпольщиков, но ни один из них не говорил, где находится Васькин и скрываются партизаны. Допрос шел второй день.

Сегодня Краузе решил провести психологический эксперимент. Он был в хорошем настроении, заранее радуясь удаче.

— Привести на допрос сестру Иванова, а его самого держите наготове, — приказал Краузе.

«Очная ставка сестры и брата», — догадался Шпицке. — Придумано не дурно; что ни говори, а у зондерфюрера голова работает».

Часовой открыл дверь кабинета и грубо втолкнул Надежду Ивановну. На ее открытом лице были крово-

подтеки—следы предыдущих допросов. Но глаза по-прежнему глядели на офицеров холодно и презрительно.

— Мы хотим вам только хорошего, — начал Краузе, — молчание лишь ухудшает положение. Ответьте только на один вопрос: когда и где вы последний раз встречались с Васькиным — и будете свободны.

— Я такого не знаю.

— Тогда скажите, кому вы передали те сведения, которые собрали о немецких частях, расположенных в районе?

— Я уже вам говорила, что таких сведений не собирала и никому не передавала.

— Лжешь, — сквозь зубы произнес зондерфюрер. — Ему захотелось вскопоть и разрядить свой парабеллум в эту упрямую женщину, но Краузе сдержался. Необходимо было схватить Васькина и нацупать расположение партизан. Если этого не сделать, подпольная работа и диверсии партизан будут продолжаться. Это Краузе понимал хорошо. Он вспомнил о своем эксперименте и, взглянув с улыбкой на Надежду Ивановну, кивнул часовому: «Вводите арестованного».

Зондерфюрер знал, что как и при предыдущих допросах, эта женщина после избиения вообще откажется говорить и ничто уже

не заставит ее сказать хотя бы слово.

В комнату ввели Иванова.

— Так вы уверяете, что сведений никаких не собирали? — спросил Краузе Надежду Ивановну и, кивнув на Иванова, добавил: — И он вам никаких поручений не давал?..

— Да, — уверенно ответила Надежда Ивановна.

— А что ты на это скажешь? — обратился к Иванову Краузе.

Тот еще больше сутулился, кашлянул в кулак и, заикаясь, тихо сказал: — Сестра, им все известно. Говори правду... Теперь уже все равно... — и он безнадежно махнул рукой.

Надежда Ивановна отшатнулась, ее лицо побледнело.

«Так вот кто нас предал, — с ужасом подумала она. — Родной брат... Родной брат стал предателем!»

Пристально, словно впервые видя, смотрела она на брата. Но вот ее ресницы дрогнули, брови чуть сузились, скулы как-то сразу обострились. Тихо, но четко Иванова произнесла:

— Этого человека я не знаю.

Краузе даже привстал из-за стола.

— Он мне не брат. В нашей семье предателей не было.

(Продолжение следует.)

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

Иванов переступил с ноги на ногу, хотел что-то еще сказать сестре, но не сказал. Плечи его опустились, лицо сморщилось. Он отошел в угол и, закрыв лицо руками, зарыдал.

Да, не такого исхода ожидал от этой встречи Краузе. Он со злобой взглянул на женщину. Подпольщица стояла и равнодушно смотрела в окно, будто и не было здесь немецких офицеров и рыдающего брата, как будто не было угрозы смерти. И вдруг зондерфюреру стало страшно. Откуда-то пришла и застряла в мозгу мысль: такие, как она, непобедимы, непобедимы, непобедимы...

— Вон!—заорал Краузе, стукнув кулаком по столу.—Увести!

Полицаи поспешно увели арестованных. Налив воды, зондерфюрер

стал пить. Зубы его мелко стучали по тонкому стеклу стакана—дрожали руки.

— На сегодня хватит,—бросил Краузе обер-лейтенанту и вышел из кабинета.

«ТЫ МОЛОДЕЦ, МИША!»

МИША с нетерпением ждал возвращения матери. «Приведут ли ее обратно или, как и всех других, после допроса уведут в другое место? — тревожился он.—Лучше бы быть вместе».

Под вечер около двери слышались шаги,брякнул засов, и двое полицейских грубо втокнули Нину Павловну в камеру.

Прихрамывая, она пошла к Мише, обняла

его за плечи и тихо сказала: «Это не люди, а звери...»

Нина Павловна еще хотела что-то сказать, но здоровенный полицейцай уже схватил Мишу за руку и с силой потянул к двери.

— Сынок, будь мужчиной... — долетели до Миши слова матери.

В КАБИНЕТЕ Молотова было тепло, сильно накурено, папирозный дым сизыми облаками поднимался над столом, за которым сидели недовольные и злые Шпицке и Краузе.

Обер-лейтенант, повертев в руках полученную из Дно депешу, сунул ее в папку. Депеша его сильно взволновала. Партизаны усилили борьбу: только за последние дни ими полностью разгром-

лены немецкие гарнизоны на станциях Судомы и Платовец, а также в городе Холме и в некоторых других местах. Больше того, народные мстители образовали свой партизанский край, который находился рядом с Волотовским районом. И от такого соседства неприятный холодок пробегал между лопатками обер-лейтенанта.

О, Шпицке хорошо знал, что такое русские леса и партизаны.

Он уже участвовал в одной операции по борьбе с партизанами. Слава богу, легко все обошлось—лишь несколько месяцев госпиталя, а могло бы быть и хуже...

Шпицке зло поглядел на Краузе. «Ему-то что, его вновь отзывают в Дно»,—подумал он и

потянулся за новой сигаретой.

А Краузе, наигранно засмеявшись, произнес:

— Поздравляю тебя с назначением. Это высокая честь—быть командиром целой карательной экспедиции.

Шпицке нервно передернул плечами, но поблагодарил Краузе.

Оказанное доверие не радовало обер-лейтенанта. Одно воспоминание о партизанах наводило тошноту, а тут еще эта подпольная организация...

«Кто их знает,—размышлял Шпицке,—может, оставшихся на свободе подпольщики уже готовят силы для освобождения арестованных. Вот так же, как и в Холме, ворвутся в поселок, и тогда...

Нет, надо быстрее закончить следствие с этими упрямыми, постараться схватить Васьяна—и всех к стенке»,—решил Шпицке и дал команду:

— Привести арестованного!

Мишу ввели в комнату и поставили шагах в двух от стенки.

Порывшись в бумагах, Шпицке достал что-то, и повернувшись к партизанке, спросил строго:

— Откуда ты принесла в деревню эти листовки и советские газеты?...

— Это не я.

— А кто же?

— Не знаю.

— Так,—зло процедил сквозь зубы Краузе,—а к главарю банды Васьякину кто ходил с поручением от Иванова?

(Продолжение следует.)

**И. о. редактора
А. ВОЛЧКОВ.**

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

(Продолж. См. №№ 135, 133, 139, 143, 145, 154, 1—28)

«Вот фашистская зараза,—думал Миша, с ненавистью глядя на черную свастику на рукаве Краузе.—Это насго бандитами считают». Но вслух ответил:

—Васькина я не знаю.

— Ах, негодяй, и ты туда же... — зашипел Краузе, вынимая пистолет и угрожающе щелкнув курком.

—Ты, мальчик, подумай хорошенько,—сочувственно заговорил вдруг Шпицке.—Если честно расскажешь, где скрывается Васькин и куда он велел тебе придти в последний раз, то мы сегодня же отпустим тебя и мать.—Если же будешь и дальше упрямиться, то...—немного помолчав, Шпицке тихо, но убедительно добавил:

— И мать, и ты будете расстреляны.

Миша молчал.

— Что молчишь?—с

угрозой обратился к нему Краузе.—Нам давно все известно о тебе. Ты был связным у Васькина, которому передал украденное оружие, приносил от него советские листовки и газеты...

Офицер все говорил и говорил, а Миша, прищурив глаза и опустив голову, лихорадочно думал: «Откуда им все это известно? Ведь я ничего не сказал. А кто же предал? А... им не известно, где Васькин и партизаны. Им известно не все!» Эта мысль обрадовала Мишу жгучей радостью и придала ему силы. Он поднял голову и смело взглянул в глаза Шпицке.

— Так ты будешь говорить или нет?

— Я ничего вам не скажу,—твердо сказал мальчуган.

Краузе с исказившимся от злобы лицом вплотную подошел к Мише.

— У, большевистская порода,—забормотал сквозь зубы зондерфюрер и с силой ударил мальчика в лицо.

В глазах у Миши поплыли круги... Он потерял сознание.

Очнувшись уже в ка-

мере, Миша увидел перед собой внимательные ласковые глаза матери, склонившейся над ним.

— Мама! Я ничего не сказал, — шопотом проговорил он и, немного отдохнув, добавил: — Они грозили расстрелом. Но я не скажу, где ждет меня Павел Афанасьевич, я...

— Ты молодец, Миша! Ты молодец, мой мальчик!—прижав голову сына к своей груди, прервала его мать.

НЕПОКОРЕННЫЕ

НЕСКОЛЬКО дней арестованных поочередно водили в кабинет Шпицке. Каждый день одно и то же: допрос, избивание, холодная камера и снова допрос. Но члены подпольной антифашистской организации держались мужественно и стойко переносили все издевательства палачей. Среди них не было предателей, желающих ради спасения своей жизни, выдать товарищей, находящихся на воле.

(Продолжение следует.)

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

Шпицке было тревожно. Не было уверенности, что разгромлена подпольная организация, неизвестно, где скрываются партизаны, где находится Васькин.

В кабинете начальника полиции, кроме обер-лейтенанта, сидели Краузе и Молотков. Они внимательно просматривали списки арестованных.

— Бесплезно с ними возиться, — ворчал Шпицке, ставя против фамилий подпольщиков как пето знаки, — их легче убрать, чем заставить говорить. Это какие-то фанатики, а не люди.

— Я же предупредил тебя об этом, — холодно заметил Краузе, наблюдая, как обер-лейтенант ставит крестики против фамилий арестованных.

Дойдя до фамилии Иванова, Шпицке на миг задержал руку и глазами спросил: «Как быть с ним?».

— С этим слизняком возиться нечего, — небрежительно бросил Краузе и не совсем правильно продекларировал:

— Предавший раз, предаст и второй раз!..

Шпицке поставил жирный крест против фамилии предателя. Всего было отмечено 35 фамилий.

УТРОМ 2 февраля полицейские широко распахнули двери камер.

Переводчик, держа в руке список, громко выкрикивал:

— Нина Васильева, Михаил Васильев, Татьяна Ефремова, Василий Еремеев, Михаил Тихов, Анна Занина, Надежда Козина... Выходи на двор!

Арестованные стали собираться.

Нина Павловна, предчувствуя недоброе, обняла Мишу и пристально посмотрела ему в глаза. Казалось, она хотела запомнить его образ таким, каким он есть сейчас, на всю жизнь. Твердый комок подступил к горлу.

— Что ты, мама?

— Да так, — грустно ответила она и, заметив, что среди вызванных произошло какое-то замешательство, громко сказала:

— Выше головы, товарищи!..

Поддерживая слабых, заключенные под конвоем десятков полицейских шли к пустырю. Шли молча, с гордым и независимым видом. Около большой ямы у развалин МТС их остановили. Полицейские отошли в сторону и стали поднимать к плечу оружие.

До последней минуты Нина Павловна надея-

лась, что Мишу не расстреляют, отпустят по малолетству. И понял сейчас, что его ждет такая же участь, что и взрослых подпольщиков, Нина Павловна сильно поблдевала, прижала сына к себе, закрывая его телом от наведенных стволов автоматов.

— Что вы делаете? — рванушись вперед, громко выкрикнул Михаил Тихов. — Нас убивайте, но ребенка-то пощадите, сволочи!..

Не обращая внимания на крики, полицейские молча целились.

Вдруг, оттолкнув Мишу в сторону, вперед вышла Нина Павловна. Она говорила тихо, но ее слышали все.

— Прошу вас, убейте меня первую, пусть он хоть немного... переживет меня...

Но двое полицейских, как бы сговорившись, повернули автоматы к Мише, и сразу же раздалась резкие автоматные очереди.

Миша присел, а затем, обливаясь кровью, упал в снег.

— Будьте прокляты! Изверги!.. — раздался громкий, хватающий за сердце голос матери. Глаза ее безумно заблестели, и она бросилась к

убийцам. Но по осужденным уже стреляло более десятка солдат. Упала Нина Павловна, Тихов, Еремеев, и вдруг из группы оставших еще стоять прозвучал звенящий совсем еще юный голос Татьяны Ефремовой: «Умираем за Родину! Победа будет за нами!.. Вам отомстят!..»

Полицай стреляли разрывными пулями.

КРОВЬ ЗА КРОВЬ

В ШТАБЕ 2-й партизанской бригады собралось экстренное совещание. Командир бригады Николай Григорьевич Васильев, стоя читал только что полученное от подпольщиков донесение:

«... кроме того, из достоверных источников стало известно, что карательный отряд, действовавший в Волотовском районе вместе с полициями, в ночь на 20—21 февраля движется к деревни Тюриково, чтобы объединиться там с Дновским отрядом и внезапно напасть на партизан. Командиром этой карательной экспедиции назначен фашистский офицер, обер-лейтенант Шпицке.

Вместе с ним из Волота вышло 400 карателей и полицейских, ко-

торые имеют следующее вооружение: 10 пулеметов, 3 миномета, 200 автоматов и около 200 винтовок. В распоряжении отряда имеется две радиостанции.

Товарищи! Помните, что они расстреляли наших друзей по оружию. Отомстите за них!»

Комбриг кончил читать, все молча встали, сняли шапки.

— Мы отомстим за них! — сурово сказал стоявший вместе со всеми Павел Афанасьевич Васькин. — Прошу разрешить мне участвовать в этой операции.

— Тогда немедленно готовиться к походу, — объявил Васильев, — когда все поспешили к выходу, комбриг оставил командира разведотряда и предупредил его:

— От вас много зависит, нужно срочно составить «языка», но без шума...

— Будет сделано, — тихо отчеканил командир.

(Продолжение следует)

И. о. редактора
А. ВОЛЧКОВ.

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о вологовском подполье

(Проволж. См. №№ 134, 136, 139, 143, 145, 153, 154, 1—30)

К ДЕРЕВНЕ Тюриково от станции Дно двигалась большая колонна, состоявшая из подвода и вооруженных людей.

Неожиданно из-за поворота ей навстречу выскочил конный разъезд.

— Стой! Кто такие? — крикнул верзила, держа автомат наизготовке.

— Свои, из Дно, аль не видишь? — отозвались с саней.

— Пароль?

— Берлин!

— Быстрее двигайтесь, вас уже несколько часов ждем, — забормотал уже равнодушным голосом детина, сторонясь с дороги, чтобы пропустить колонну.

Когда подводы въехали в деревню, их вновь остановил часовой, но услышав пароль, спокойно закинул автомат за спину и направился к стоящему рядом дому.

Но не успел он сделать несколько шагов, как с саней срыгнул чуть сутуловатый, широкоплечий парень, размахнувшись винтовкой с силой ударил часового по голове. Тот рухнул в снег. Взяв выпавший из рук убитого автомат, парень ловко вскочил в сани и шепнул соседу:

— «Вот так-то спокойнее будет...».

Подводы цепочкой растянулись по деревне.

Васькина и еще человек пять устремились к дому, где разместился штаб Шпицке. Над деревней взвилась красная ракета.

— Держись, гады, сейчас рассчитаемся! — сквозь зубы проговорил Павел Афанасьевич и бросил две гранаты в окно дома. Сразу же по всей деревне застрочили автоматы, послышались pistolетные выстрелы, взрывы гранат.

Захваченные врасплох каратели раздетыми выскакивали в окна и двери.

У штаба расстрелянно металась три офицера, один в шинели, накинутой на белье, а двое в сапогах и кителях, с автоматами в руках. Но тут же у двери они ткнулись в снег, сраженные пулями народных мстителей. В доме раздался еще один взрыв гранаты. Фашисты отстреливались все слабее и слабее. Вскоре наступила тишина. Партизаны, рассыпавшись по селу, собирали трофеи. Около 400 карателей, в том числе и Шпицке, валялись убитыми на улицах деревни.

В предутренней мгле партизаны, нагрузив на подводы захваченные оружие, боеприпасы, радиостанции, покинули деревню.

— Так будем и дальше рассчитывать с врагами за кровь наших друзей, — проговорил Павел Афанасьевич, последним выезжая за околицу села.

(Продолжение следует.)

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Документальная повесть о волотовском подполье

(Пролуж. См. №№ 134, 136, 139, 143, 145, 153, 154, 1—31)

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

ПОСЛЕ удачного разгрома партизанами карательной экспедиции обер-лейтенанта Шпицке командир партизанской бригады Васильев предложил Павлу Афанасьевичу отдохнуть. Но когда Васькин узнал, что на псковщину, в Дедовичский район, посылаются отряд для организации обоза с продовольствием голодающим ленинградцам, он пришел к Васильеву и сказал:

— Пошлите меня, товарищ комбриг. Вы знаете, что мы несколько таких обозов организовывали и для партизан, и для Ленинграда. Опыт у меня есть, помогу вашим товарищам.

Васильев внимательно посмотрел в глаза Васькину и сочувственно спросил:

— Душа болит, Павел Афанасьевич?

Васькин стиснул зубы так, что желваки зашевелились на скулах и молча кивнул головой.

— Тогда собирайтесь.

Вас поведет командир партизанского отряда Михаил Воробьев. Он в тех краях бывал—людей и местность знает хорошо. С ним пойдут Иванов, Смирнов и Засорин—ребята надежные и смелые.

К ВЕЧЕРУ небольшой отряд партизан подошел к деревне Красные Горки.

— Действовать будем так,—сказал Воробьев.— Павел Афанасьевич, Иванов и Смирнов будут в дозоре, а я и Засорин проведем с людьми собрание и организуем обоз.

— А на немцев не напоретесь? — спросил Васькин.

— Фрицев там нет— мои разведчики проверили.

Еще раз согласовав действия, Воробьев оставил на окраине Васькина и вошел с остальными партизанами в деревню.

ПОТЯНУЛИСЬ томительные минуты ожидания. Васькину казалось, что он стоит здесь уже целую вечность, хотя, судя по всему, прошло часа полтора—два.

После гибели подпольщиков Павел Афанасьевич избегал оставаться один. Но сейчас вокруг ни души, и снова, в который раз, встают в памяти образы боевых товарищей: Нины Павловны с ее умными карими глазами, Миши Васильева—лучшего связного и бесстрашного подпольщика, мужественной Надежды Ивановны Козниной, не знающего страха Саши Немкова и Тани, находчивой, милой, красивой Тани Ефремовой... Сколько прекрасного могли совершить эти люди в жизни, сколько полезных и важных дел сделали бы их руки! Но они погибли... Их нет!

Тупой болью защемило сердце. Васькин резким рывком растегнул полушубок и подставил лицо и грудь пронизывающему февральскому ветру.

«Ничего, ничего, дорогие мои,—бормотал он.— Подполье действует, борьба продолжается!»

Неожиданный звук голосов прервал мысли Васькина. Быстро сгущающиеся сумерки и сухая злая поземка начи-

нающей метели не зволяли видеть даже по зоркие глаза Васькина разглядели впереди две фигуры, направляющиеся в сторону деревни. Он шагнул навстречу и крикнул:

— Кто идет?

— Свой, браток,—отозвался хриплым голосом.

— Кто свой?

— Партизаны мы, Дновского района.

сам-то кто?

«Какие могут здесь еще быть партизаны? пронеслось в голове Васькина. — Ведь бриг ничего не говорило о дновском отряде».

— Кто командир? — спросил Васькин и взял курок трофейного пистолета.

— Сейчас скажем.

Фигуры приближались. Слева и справа мелькнули новые тени людей.

«Окружают» — подумал Васькин.

Понял он и другое. Это был отряд карателей, посланный немцами из Дно на соединение с уже разгромленным партизанами волотовским отрядом Шпицке.

Павел Афанасьевич прыгнул в придорожную канаву и, почти не целясь, выстрелил в лицаев. Один из них упал, другой, отскочив в сторону, выпустил длинную автоматную очередь.

«Услышат или не услышат» — думал Васькин о Воробьеве и Засорине. И тут он вспомнил о гранате, которую дал ему Воробьев, прежде чем уйти в деревню. Рванув кольцо, Васькин размахнулся и бросил ее навстречу темным фигурам. Короткий взрыв потряс землю. Видя, что враги хотят взять его живым, Васькин вышел из канавы на середину дороги и, тщательно прицеливаясь, стал стрелять по ближайшим карателям. Враги не выдержали. Одновременно с нескольких сторон раздалась автоматная очередь, и большая, сразу отяжелевшая фигура Васькина опустилась на землю медленно и плавно, точно затем, чтобы дать возможность Павлу Афанасьевичу в последний раз поцеловать эту землю, которую он так горячо любил.

(Окончание следует.)

**В. Лукин,
А. Волчков**

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

(Продолж. См. №№ 135,
136, 139, 143, 145, 153, 149
1—32)

Воробьев и Засорин, услышав взрыв гранаты и треск автоматных очередей, выбежали из дома, где беседовали с населением и тут же упали под градом пуль окруживших дом немцев и полицаев. Все стихло.

Но рано торжествовали враги свою победу. Ночную тишину нарушил гул тяжелых машин, который приближался к деревне с востока. Это шли грозным, неустойчивым потоком тяжелые танки Первой ударной армии. Шли, чтобы не остановиться уже до самого Берлина. И слушая этот гул, плакал от радости раненый партизан Засорин, который случайно остался живым из всего маленького отряда Воробьева.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ОТГРОХОТАЛА, отшумела военная гроза. И не успело эхо этой грозы затихнуть на Западе, как страна принялась энергично зализывать раны, нанесенные войной. Выросли из руин стройные и красивые города, зажелтели на пепелищах новым тесом дома колхозников.

Прошло еще несколько лет, и ничто не напоминало на русской земле о немецких захватчиках. Ничего, кроме памяти людей.

... Стройными рядами стоят пионеры Славинской школы. Слышно, как председатель совета дружины докладывает старшему пионервожатому:

— Дружина имени Миши Васильева к тор-

жественному сбору готова!

Миша Васильев... Образ его стал для волотовских школьников символом верности Родине, беззаветного мужества и героизма. И долго будет жить имя маленького подпольщика, зовущее светлым маяком всех пионеров на славные дела.

Каждую весну покрывается белой кипенью коллективный сад работников Волотовской РТС. Зайдите сюда и подивитесь на нежный бело-розовый цвет яблонь и вишен. И люди заходят и радуются весне, пробуждающейся жизни и чудной красоте сада. В феврале 1942 года на этом месте были расстреляны фашистами подпольщики, которые жили и боролись ради весеннего солнца, ради

голубого неба над головой, ради этого сада...

А если проехать на машине по большаку через Волот и свернуть на юго-запад, то через несколько минут можно попасть в один из крупных колхозов, который носит имя Павла Афанасьевича Васькина. Каждый труженик артели имени Васькина знает, чье имя носит колхоз, и считает своим долгом трудиться так, чтобы оправдать имя подпольщика - коммуниста, ставшего здесь легендарным. В этом колхозе живут и работают мать и сестра Тани Ефремовой.

Славной смертью погиб руководитель группы Михаил Тихов.

Но в Волоте живет супруга подпольщика. Дочь Михаила; Тихова

Нина Михайловна работает бригадиром куделе-приготовительной машины. Она является одной из лучших работников льнозавода.

Не стало на свете патриотки Анны Кузьминичны Заниной—матери семерых детей. Но живы ее дети. А сероглазая Домна... Впрочем, сейчас она уже Домна Михайловна, всеми уважаемый человек, председатель укрупненного и растущего колхоза «Завет Ильича» Волотовского района.

Нет, не стерлась в памяти советских людей та героическая борьба, которую вел наш народ в годы Отечественной войны. Не забыты имена тех, кто в тяжелое для Родины время мужественно боролся с врагом, твердо веря в нашу победу.